

УДК 159.923:316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-130-143

О НАШЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ОТ ПСИХОЛОГИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ОБРАТНО

Утлик Э.П.

Военный университет Министерства обороны РФ

125047, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация

Аннотация. В статье излагается процесс развития социальной психологии как естественно-историческая социализация психологической науки. Прослеживается её динамика от Аристотеля до нашего времени. Раскрывается зарождение социально-психологического тренда внутри психологии. Отмечен вклад в становление социальной психологии Аристотеля, В. Вундта, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна. Аргументируется тезис о единственности социальной психологии как звена (дисциплины) системы психологических наук. Раскрыто смешение социальной психологии с социологическим психологизмом. Проведена идея, что все отрасли психологии, и в том числе социальная психология, имеют один и тот же предмет.

Ключевые слова: психология, социальная психология, этнографическая психология, принцип Рубинштейна, социологический психологизм, интроспекционизм, фасилитация.

ABOUT OUR SOCIAL PSYCHOLOGY: FROM PSYCHOLOGY TO SOCIAL PSYCHOLOGY AND BACK

E. Utlik

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

14, Bolshaya Sadovaya ul., Moscow, 125047, Russian Federation

Abstract. The article presents the concept of social psychology development as a process of the natural-historical transformation of psychological science. Its dynamics is traced from Aristotle up to the present time. The emergence of social and psychological ideas within psychology is shown. Significant contribution of Aristotle, W. Wundt, L.S. Vygotsky and S. L. Rubinstein is stated. The thesis of social psychology unicity as a link (discipline) of the system of psychological sciences is supported. The mixture of social psychology with sociological psychologism is revealed. The idea that all branches of psychology, including social psychology, have the same object is given.

Key words: psychology, social psychology, ethnographic psychology, Rubinstein's principle, sociological psychologism, introspectionism, facilitation.

Проблема и гипотеза исследования

Утверждение, что отечественная социальная психология выросла из социологии, что она поэтому обрела социологические черты, которые вносят в её содержание и структуру несвойственные психологии элементы, давно уже не является новым. Однако было время, когда социологические корни социальной психологии воспринимались как само собой разумеющееся. В 1962 г. А.Г. Ковалев писал: «Социальная психология возникла в середине XIX в. в недрах буржуазной социологии, как одно из ее направлений, призванное объяснить общественные явления социально-психологическими закономерностями» [14, с. 109]. В действительности же «возникла» не социальная психология, а «социологический психологизм», т. е. попытки социологии укрепить своё положение при помощи психологии.

С элементами социальной псевдопсихологии мы встречаемся каждый раз, когда читаем в учебных пособиях, что «центральное место в предмете социальной психологии занимает групповая (общественная, массовая) психика», «предметом в массовых социальных феноменах выступают социально-психологические процессы и явления, возникающие в них» [13, с. 58].

До последнего времени авторы учебников по социальной психологии вынуждены прибегать к предостережениям: «Следует различать понятия “общественная психология” как явление (нижний уровень) общественного сознания и “социальная психология” как наука, изучающая явления общественной психологии» [15, с. 17].

Современная социальная психология заражена социологизмом. Это

свойственно и новейшим публикациям, если они к «социально-психологическим явлениям» относят социологические и иные непсихологические феномены. В одной из недавних публикаций, например, утверждается: «К числу основных социально-психологических явлений относятся: общение, мнение и настроение, общность, стратификация, стереотип, конфликт, образ жизни и пр.» [24, с. 17, 18]. Однако все эти явления изучаются ведь многими социальными науками, поэтому их отношение к предмету психологии неочевидно.

Существует много «социальных психологий», которые имеют мало общего с психологией и находятся не «на стыке» с нею, а далеко от неё. В связи с этим возникает вопрос: на каком основании они называются психологией? Этот вопрос уместно адресовать и той «социальной психологии», которая произвольно причислена к философским наукам.

Предлагается **гипотеза**: в долгой истории психологии было достаточно идей и тенденций социально-психологического порядка, которые, однако, не получали своего развития до самого последнего времени, из-за чего и современная социальная психология испытывает значительные трудности в своём становлении. На наш взгляд, социальной психологией может называться только та дисциплина, которая выросла из психологии, развивается на её почве и обогащает систему психологических наук и все общественные науки.

По ряду причин психология долго игнорировала то, что сегодня называется социально-психологической проблематикой, но по необходимости она

в своём историческом развитии должна была «социализироваться», т. е. выйти за рамки индивидуально-биологического мира человека, расширив надлежащим образом свой предмет. Такого рода «выходы» встречаются на всех этапах существования психологии, но остаются незамеченными и не получают своего развития.

Эта негибкость традиционной психологии привела к тому, что вне её, главным образом внутри социологии, частично внутри истории возникло течение, которое в настоящее время оценивается как «социологический психологизм» – попытка построить социальную психологию на пустом месте.

Медленное движение психологии к пониманию своего действительного предмета и появление далёких от психологии «социальных психологий» – это два разных процесса. Их взаимное влияние не было и не является благотворным. Социологизация психологии [2] – это нарушение естественного процесса её развития, утрата ею своих исторических корней и своего предмета. Социальная психология внутри социологии или где-то ещё, так называемая «социологическая социальная психология» – это сооружение без своего фундамента.

Наша задача: понять, почему психология так долго не выходила в социальную сферу, не теряя при этом своего лица.

Социально-психологические идеи в психологии

Историческое развитие психологии в социальном направлении оказалось затруднённым по ряду причин, одна из которых находится у самих истоков психологической мысли.

Считается, что «психология Аристотеля была биологической» [16, с. 213]. По правде говоря, это не совсем так, но это один из признаков одностороннего восприятия аристотелевской психологии. Трактат «О душе», откуда и вышла психология, не был воплощением «биологической психологии». В нескольких местах этого труда есть предчувствие социально-психологического подхода: «...изучение всей души или ... состояний ее есть дело рассуждающего о природе». Однако рассуждающий о природе и диалектик по-разному определили бы каждое из этих состояний души, например, что такое гнев. А именно: «диалектик определил бы гнев как стремление отомстить за оскорбление или что-нибудь в этом роде; рассуждающий же о природе – как кипение крови или жара около сердца» [3, с. 374]. Следовательно, «диалектик» в переводе на современный язык очень похож на социального психолога, а «рассуждающий о природе» – это, конечно, психолог-естествоиспытатель.

Однако фактический образ психологии Аристотеля у всех его последователей оказался искажённым – и биологическим, и индивидуальным. В этом образе проигнорировано и то, что трактатом «О душе» психологическое мышление Аристотеля не ограничивается, – его психологические идеи разбросаны по всем многочисленным трудам. Чрезмерно часто встречаемая сегодня цитата, что человек – существо (животное) политическое (городское, социальное), – содержится в работах «Политика» и «Никомахова этика». Один из атрибутов общественности человека Аристотель видел в том, что «человек – общественное [существо],

и жизнь сообща прирождена ему» [4, с. 259]. По каким-то причинам психологи долго – около двух тысячелетий – не усматривали в этих идеях ничего существенно психологического.

Примеры подобного – догматического – отношения к трудам Аристотеля известны и среди биологов, и среди философов, и представителей других наук.

Кроме того, можно указать, по крайней мере, на три фактора, которые сдерживали социальное развитие психологии:

а) интроспекционизм – убежденность в том, что, как писал некогда Г. Спенсер, «мысли и чувствования, которые составляют собою сознание..., абсолютно невоспринимаемы никем другим, кроме обладателя этого сознания...» [23, с. 146]. Например, опыты Вебера и Фехнера, воспринятые как начало научного подхода к изучению психических явлений, проводились «на себе», т. е. интроспективно.

б) навязчивое стремление прояснить связи между психикой и мозгом, проходящее через всю историю психологии; редкие идеи, что чрезмерное акцентирование этих связей тормозит развитие психологии, почти не воспринимались. Когда Н.Я. Грот в 1895 г. написал: «... экспериментальная психология, как и вообще психология, есть поэтому та наука, которая изучает законы и связи душевных явлений, состояний, фактов, – совершенно независимо от значения и характера физических и физиологических явлений и процессов, сопровождающих психическую деятельность и психическое взаимодействие субъектов» [10, с. 93], – на это не обратили внимания. Точно такой же была реакция, когда зна-

чительно позже К.Г. Юнг отказался от решения психофизиологической проблемы, признав её стратегически несущественной для современной психологии [27, с. 28].

в) ограничение интересов психологии предметно-познавательной активностью человека, исключаяющей активность социальную. Это проявилось даже в середине XX в. – в том варианте теории деятельности, который был сосредоточен на предмете, а не на человеке.

По мере того, как накапливалась психологическая информация и росли требования к психологии со стороны практики, включая педагогику, социологию, политику, экономику, наметился определённый сдвиг в сторону психологического познания человека в его реальных жизненных связях. Постепенно созревают определённые условия для пересмотра предмета психологии. В их числе:

1. осмысление представлений Платона о «мировой душе» и Гегеля об «абсолютном духе»;

2. программа развития «психологии народов» В. Вундта, немецких философов и лингвистов;

3. экспериментальный выход психологии в межличностную (коммуникативную) область познания.

К этому можно добавить количественное накопление социально-психологических идей, содержащихся в трудах по общей и педагогической психологии XIX в. Работы И.Ф. Гербарта, К.Д. Ушинского, У. Джеймса и других несут в себе многочисленные социально-психологические факты и идеи.

Например, у И.Ф. Гербарта (1806) можно прочитать: «Наличные группы представлений возникают из двух

главных источников: опыта и общения. Опыт дает нам знание природы, но знание не полное и грубое; общение внушает нам чувства к людям, но не всегда только похвальные, часто в высшей степени достойные порицания. В последнем случае крайне необходимо их улучшать» [9, с. 40, 41]. Разве это не повод задуматься о предмете психологии и о необходимости его расширения?

К.Д. Ушинский (1871) дал развернутую психологическую характеристику идеи Аристотеля об общественной природе человека: «Как бы ни казалось нам разумным стремление к общественности в человеке и сколько бы потом человек ни вносил в это стремление ясного расчета тех польз, которые извлекает он из общественной жизни, но, взглядевшись внимательно в факты, мы должны признать, что в основе этого стремления к обществу лежит природный инстинкт, действующий в человеке прежде, чем становятся в нем возможными эгоистические расчеты. Это тем более очевидно, что тот же инстинкт общественности действует и в животных, у которых мы не можем предполагать такого обширного развития рассудка, какое нужно было бы, чтобы понять пользу общественной жизни» [26, с. 75].

Далее, одна только идея «социальной личности» У.Джеймса (1890) могла бы явиться ядром будущей социальной психологии: «Признание в нас личности со стороны других представителей человеческого рода делает из нас *общественную личность*. Мы не только стадные животные, не только любим быть в обществе себе подобных, но имеем даже прирожденную склонность обращать на себя внимание

других и производить на них благоприятное впечатление» [11, с. 83].

Эти и многие им подобные идеи, несмотря на то, что они игнорировались строителями социальной психологии, всё же сыграли свою роль.

От В. Вундта до С.Л. Рубинштейна

Роль В. Вундта в создании социальной психологии прежде всего в том, что он увидел односторонность исторического развития психологии, поэтому и назвал всю современную психологию физиологической и предложил новую предметную область – «психологию народов», которую должна изучать «этнографическая психология» – прообраз современной социальной психологии.

Этим В. Вундт предпринял организационно-методологическую попытку «социализировать» психологию, т. е. создать её социальную отрасль. Идея В. Вундта оказалась вдохновляющей, хотя её конкретная форма непосредственно не выводила психологию на социальное поприще. То, что предлагалось Вундтом в качестве предмета психологии народов (язык, мифы, обычаи, нравы), Э. Дюркгейм вполне резонно отнес к социологии, используя критерий, который можно назвать «отчуждением». Явления общественной жизни, которые отделились от конкретных людей и обрели самостоятельное существование, становятся уже не психическими, а социальными. «Социальные факты не только качественно отличаются от фактов психических; у них *другой субстрат*, они развиваются в другой среде и зависят от других условий» [12, с. 14].

Идеи В. Вундта и его современников (М. Лацаруса и Г. Штайнталя) в области этнографической психологии

подкрепляются платоновским образом «мировой души» и принципом «абсолютного духа» Гегеля. Благодаря этому методологическому ключу сама собою разумеющаяся связь между психикой и мозгом перестала препятствовать распространению психологии на широкую социальную область.

Ещё более значимо для современной социальной психологии новое – не субстанциональное – определение души; душа у В. Вундта – это не сущность, находящаяся над психическими процессами; это – «лишь совокупность всех внутренних переживаний» индивида. Многие индивидуальные переживания сходны у большого числа индивидов, поэтому их «следует рассматривать как содержание души народа на том же основании, на котором мы рассматриваем наши разнообразные собственные представления и душевные движения как содержание нашей индивидуальной души» [5, с. 7].

И вот это самое существенное: В. Вундт усмотрел сущность человеческой души в её связи с другими душами. Исследовать природу этой связи – задача психологии. «Психология должна заняться общими психическими условиями и вытекающими из этих условий психическими процессами, которыми жизнь общества отличается от жизни индивида» [7, с. 200].

Как видно, В. Вундт, изредка упоминая о «душе народа», имел в виду только реальное сходство переживаний и мыслей большого числа индивидов и осуждал как чуждые психологии попытки соединить понятие души с такими общностями, как «толпа», «община», «народ», «общество». Он писал: «Остатки непсихологического воззрения, которое совершенно бессильно

справиться с проблемами этнографической психологии, мы встречаем до сих пор в виде грубейших недоразумений, связанных с понятием о национальном сознании и национальной воле, причем под ними понимают не реальное сходство и взаимодействие между индивидами, образующими общество, а какую-то мифологическую или, по меньшей мере, метафизическую сущность» [7, с. 207].

Таким образом, благодаря В. Вундту слово «психология» стало употребляться не только в связке «психология индивида», оно обрело новый смысл в словосочетании «Völkpsychologie», т. е. «психология народов», или «этнографическая психология». Психология включила в свой предмет процессы, свойственные коммуникативным ситуациям и представляющие собой взаимодействие индивидуальных психических процессов (или состояний и качеств). Методологически это означало новое видение предмета психологии, и вместе с тем – движение в направлении от психологии индивидуальной к психологии социальной.

Очередной шаг, на этот раз экспериментальный (правда, вопреки В. Вундту, который ограничивал эксперимент индивидуальной психологией, и независимо от В. Вундта), сделан в конце XIX – начале XX вв. Этим шагом явились два характерных эксперимента: Н. Трипплетта [30] и Л.Т. Термана (1904) [28]. В первом из этих экспериментов выявлен социально-психологический феномен, который Ф.Г. Олпорт назвал социальной фасилитацией.

В эксперименте Л.Т. Термана обнаружены два психологических фактора управления – личность лидера и социальная ситуация в группе, – которые

лежат сегодня в основе современных социально-психологических концепций управления. Подробное описание этих экспериментов представлено в нашей статье «Трудный путь к социальной психологии» [25].

Таким образом, в первых социально-психологических экспериментах выявлены феномены, новые для традиционной психологии: социальная фасилитация (а также ингибция), социальная леность, лидерское подчинение и ситуативное лидерство. Затем, много десятилетий спустя этот список расширился: были открыты «социальная перцепция», «социальный интеллект», «межличностные чувства» и другие межличностные феномены. Всё это – действительные «социально-психологические явления», которые и должны представлять социальную психологию, вместо тех бессодержательных «массовидных» явлений, которые, не имея своих корней, кочуют из одного учебного пособия в другое.

Примечательная черта первых социально-психологических экспериментов – их «переходный» характер: в них представлены и общепсихологические, и социально-психологические переменные. Они ознаменовали начало экспериментального этапа в истории социальной психологии.

Но, как ни странно, эксперименты Н. Трипплетта и Л.Т. Термана не произвели заметного впечатления на «создателей» социальной психологии. Первые книги под названием «Социальная психология», появившиеся в 1908 г., как и многие последующие, пренебрегли результатами продвижения психологии к социальному флангу своего предмета и, по существу, к психологии не относились.

Отечественная психология добавила в представленную картину своей социализации некоторые дополнительные черты.

В 20-е – начало 30-х гг. было несколько попыток создать социальную психологию, а также решить ряд частных социально-психологических проблем. Это, прежде всего, работа В.М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (1921), которая ценна обобщением предшествующих усилий развития социально-психологических идей, начиная от В. Вундта. Далее, это материалы по психологии коллективов А.С. Залужного, Л.Н. Войтоловского и, несомненно, теоретические обобщения уникальной социально-психологической и педагогической практики А.С. Макаренко.

Много полезных для подлинной социальной психологии идей сосредоточено в трудах Л.С. Выготского: термин «интерпсихические» явления; идея происхождения высших психических функций в результате интериоризации социальных институтов и форм социального поведения и др.

Но на этом этапе понимание социальной психологии свелось к вопросу о социальной личности (личности) и поэтому вся психология объявлялась социальной. Эта позиция сформулирована Л.С. Выготским в ранний период его психологического творчества так: «Предметом социальной психологии является именно психика отдельного человека» [8, с. 30].

На очередной стадии пробуждения интереса к социальной психологии (конец 50-х – 70-е гг. XX в.) верх взял агрессивный социологический психологизм: предметом объявлялись «массовидные явления» психики. Несмотря

на то, что инициатива возрождения исходила от психологов (А.Г. Ковалев, 1959), социальной психологии навязывался предмет, заимствованный то ли из философии, то ли из научного коммунизма и не имеющий своих общепсихологических корней. Против такой «социальной психологии» резко выступил С.Л. Рубинштейн, заявивший, что «...всякая психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику» [21, с. 100]. Принцип С.Л. Рубинштейна удерживает добросовестного психолога, занимающегося социальными проблемами, в рамках психологической системы, т. е. там, где и должно быть место социальной психологии. Согласно данному принципу социальная психология находится не «на стыке» и не на «пересечении» социологии и психологии. Она не делится на «социологическую», «философскую» и «психологическую», а находится внутри психологии, она одна из её отраслей. Вместе с тем психология в образе социальной психологии может выполнять определённые социологические (а также политологические и иные) функции, если она помогает понять, как функционирует общество и его составляющие.

Следовательно, несколько упрощая дело, можно утверждать, что социальная психология не имеет своего особого предмета. Она, как и все остальные дисциплины (отрасли) психологии, изучает психику. Психика – предмет «всякой» психологии, и значит, психологии социальной, как и психофизиологии, и инженерной психологии и т. д. Особый подход социальной психологии к изучению психики – это акцент на тех психологических явлениях (механизмах), которые реализуют обще-

ние и являются его «динамическим» продуктом. Не являются в полной мере предметом непосредственного (теоретического) интереса те «продукты» человеческих коммуникаций, которые уже дистанцировались от непосредственного общения людей и стали достоянием культуры, которые теперь влияют на людей как внешние социальные факторы: право, мораль, язык, традиции и другие социальные «факты» (Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин). Конечно, социальная психология может на междисциплинарной основе изучать и эти явления, но это уже будет не теоретическая, а прикладная наука. Более того, как сказал один из немецких социологов, «...коль скоро социальная психология со своих специфических позиций обращается к преступности как к предмету своего исследования, она превращается в криминологию...» [5, с. 36]. Чтобы этого не случилось, она должна подняться на высокую ступень своего развития.

С.Л. Рубинштейн защищал социальную психологию внутри психологии. Понятия «массовидные явления психики», «общественная психология» (низший уровень общественного сознания), «социальная психология общностей» и др. он считал псевдопсихологическими и не принимал их. Критики С.Л. Рубинштейна – авторы этих понятий – видели в них основу социальной психологии. На самом деле это был социологический психологизм.

Много сделано для локализации социальной психологии внутри психологии К.А. Абульхановой-Славской, которая, опираясь на идеи С.Л. Рубинштейна, сформулировала чёткое видение предмета социальной психологии как «психической деятельности, пред-

ставленной в виде коммуникативной связи» человека с человеком. Идея Аристотеля о социальности человека, конкретизированная в форме социальности, наконец-то «сама психическая деятельность была определена как коммуникативная связь с другими людьми» [1, с. 80, 81].

Психологическую природу социальной психологии убедительно показал А.Р. Лурия: «Важным, хотя еще недостаточно развитым *разделом психологической науки*, является социальная психология. Эта дисциплина изучает психологические законы общения людей между собой, психологические особенности распространения информации средствами массового воздействия, как печать и кино, особенности поведения в процессе труда, соревнования и т.д. Предмет специальной отрасли социальной психологии составляет изучение человеческих взаимоотношений в условиях малых групп, анализ тех факторов, которые лежат в основе конкретных видов взаимодействия людей, формирование авторитета, выдвижения лидеров и т.п.» [17, с. 25, 26].

К сожалению, и эти глубокие мысли не были замечены «официальной» социальной психологией.

Не исключается, что в психологической изоляции социальной психологии сыграл свою роль идеологический фактор – не просто слепое следование устаревшим размышлениям марксистов XIX в., а желание придать им качество закона. Социальная психология фактически оказалась за рамками психологии потому, что она изначально строилась на упрощённой социально-философской методологии марксистского толка. У Г.В. Плеханова, как и у А. Лабриолы, «психология общества»

вырастает на почве экономики, представляет собой «дух времени», «умы и нравы», «состояние умов». Подобного рода «психология» является, в свою очередь, «общим корнем для всех идеологий» [18, с. 182]. Продолжили эту логику, совершенно чуждую научной психологии, «социальные психологи», которые сделали карьеру, защищая докторские и кандидатские диссертации на темы: «Деятельность В.И. Ленина по формированию настроений масс», «Вопросы сознания в свете трудов И.В. Сталина» и т. п.

Некоторые социологи, как в России, так и за рубежом, принимают на себя несвойственные и непосильные для них функции психологов-теоретиков и предлагают псевдопсихологические объяснительные схемы, понятия и даже концепции. Такими были, например, «символический интеракционизм», «диспозициональная теория личности», «социальный конструкционизм» и пр. Счастливым исключением явилось понятие социальной установки (аттитюда), несмотря на то, что социологи У.Дж. Томас и Ф. Знанецкий дали ему странное определение: «Под аттитюдом мы понимаем процесс индивидуального сознания, определяющий реальную или возможную деятельность относительно социального мира. ... Аттитюд является, следовательно, личностным двойником (individual counterpart) социальной ценности; деятельность какого-либо вида – это связь (bond) между ними» [29, с. 27].

Аттитюд (установка – социальная, но не «установка Узнадзе») был преобразован в общепсихологическое понятие благодаря экспериментам и теоретическим работам многих психологов.

Обоснованно игнорируя подобно-го рода социальную психологию, серьёзные психологи порой не замечали, что, решая свои научно-исследовательские проблемы, они фактически находятся на социально-психологическом поприще, которое неотделимо от предмета психологии. Большинство психологических исследований – это область социально-психологического познания, потому что они строятся на общении между исследователем и «испытуемым». Не учитывая этого, психологи прибегали к разного рода изобретениям, вроде понятий «ситуация», «ситуационизм», «типы ситуаций», «ситуационная парадигма», «ситуационный анализ» и т. п. (У. Мишел (1977), В.Н. Дружинин (1991)). Все это – следствия разрыва между психологией и «социальной» психологией.

Итак, путь социального преобразования психологии не закончен. Социально-психологические идеи, родившиеся внутри психологии, на её родной почве, всё ещё не оформились в виде настоящей социальной психологии. Социологические имитации социальной психологии не в счёт.

Параллельно медленному, но адекватному восхождению социальной психологии идёт слепой поиск психологического объяснения социальных явлений. Чаще всего это происходит внутри социологии и без опоры на научные положения психологии.

Сегодня то, что принимают иногда за социальную психологию, является всё тем же социологическим психологизмом – построением пустых психологических теорий, которые действуют подобно вирусу, поэтому странно читать, как современные «социальные психологи» с увлечением цитируют со-

циологические работы, включают их в социально-психологические «хрестоматии», усматривая в них находки для своей науки или пользу для её изучения. Средоточием психологизма являются: труды Г. Лебона, Г. Тарда, книга Н. Смелзера «Социология», работы Г. Блумера, «Социометрия» Дж. Морено, теории Р. Харре, К. Гергена, «Хрестоматия» Е.В. Якимовой [22] и ряд других.

Социологический и иной психологизм – это обычно следствие психологической некомпетентности; это «творчество» учёных не на своём поприще. И если идеи некоторых социологов и историков (Э. Гидденс, И. Гофман, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ч. Кули, Б.Ф. Поршнев и др.) получили признание среди психологов и психологическую разработку, то это объясняется их талантом и психологической интуицией, а не тем, что они работали в русле так называемой «социологической разновидности социальной психологии» [23, с. 16]. Разумеется, социально-психологические идеи рождаются и за пределами психологических дисциплин – в истории, педагогике, этнографии, языковедении, экономической науке и т. д. Но их авторы, как правило, не претендуют на создание своей особой «психологии».

«Психологизм» – это увлечение психологией, которое дало о себе знать не только в социологии, но и в философии, историографии, теории литературы, языковедении и т. д. Социологи, обладающие широким кругозором, понимающие дух своей науки, знают цену социологическому психологизму и не поддаются его соблазнам.

Социологический психологизм является одной из причин того, что со-

временная отечественная социальная психология всё ещё не вполне определилась со своим предметом, предпочитая коллекционировать разнообразные взгляды и углубляться в общеметодологические прояснения различий между «объектом» и «предметом» науки [20].

В серьёзных современных изданиях по социальной психологии по-прежнему заявляется: «...существует три источника социально-психологической науки – социология, психология и этнология» [19, с. 7]. Соответственно, насчитывают столько же и «социально-психологических наук». С этим можно бы согласиться, если признать, что социальная психология достигла такого уровня развития, что может оказывать влияние на другие науки и образовывать с ними смежные научные области, подобно психофизиологии, но если речь идёт о взрождении социальной психологии, то вне психологии может появиться преимущественно та или иная разновидность психологизма.

Очевидно, что рано или поздно не обойтись без признания одной-единственной социальной психологии – психологической, входящей целиком и полностью в систему психологических дисциплин. Всё, что за пределами этой

системы, может называться психологией не иначе, как в бытовом, житейском смысле.

* * *

Та социальная психология, которая выросла на своей материнской психологической почве, вобрала в себя социально-психологические идеи, сформированные в ряде смежных наук, которая ценит и теоретический арсенал, и методический инструментарий системы психологических дисциплин, имеет все возможности для своего продуктивного развития. Её взаимоотношения с социологией, политологией, экономикой, теорией социального управления и другими социальными науками продуктивны, если она твёрдо стоит на своих собственных ногах и не страдает сверхпретензиями.

Уже В. Вундт точно определил место психологии в социальном познании: не следует устанавливать «психологические законы исторического развития, так как помимо психических сил в историческом процессе играют значительную роль природа и культура» [6, с. 8].

Статья поступила в редакцию 19.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. К проблеме социальной обусловленности психического // Вопросы философии. 1970. № 6. С. 76–85.
2. Андреева Г.М. О «социологизации» социальной психологии в XX столетии // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 12–30.
3. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 371–448.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 53–294.
5. Социалистическая криминология / Э. Бухгольц и др. М., 1976. 245 с.
6. Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 2010. 86 с.
7. Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1896. 225 с.
8. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986. 344 с.

9. Гербарт И.Ф. Главнейшие педагогические сочинения. М., 1906. 365 с.
10. Грот Н.Я. Основания экспериментальной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 91–106.
11. Джемс У. Психология. М., 1991. 368 с.
12. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. 352 с.
13. Каширин В.П. Предмет и проблемы социальной психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 1. С. 51–60.
14. Ковалев А.Г. Предмет и проблемы социальной психологии // Вопросы марксистской социологии: труды социологического семинара. Л., 1962. С. 109–117.
15. Крысько В.Г. Социальная психология: учебник для бакалавров. 4-е изд. М., 2016. 553 с.
16. Лихи Т. История современной психологии. 3-е изд. СПб., 2003. 440 с.
17. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб., 2006. 320 с.
18. Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма: избранные философские произведения: в 5 т. Т. 3. М., 1957. 784 с.
19. Почебут Л.Г. Социальная психология: учебник для вузов. СПб., 2017. 399 с.
20. Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. СПб., 2010. 521 с.
21. Рубинштейн С.Л. Мысли о психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 91–101.
22. Социальная психология: саморефлексия маргинальности: хрестоматия / ред.-сост. Е.В. Якимова. М., 1995. 252 с.
23. Спенсер Г. Основания психологии: в 2 т. Т. 1. СПб., 1876. 706 с.
24. Сухов А.Н. Основы социальной психологии. М., 2018. 242 с.
25. Утлик Э.П. Трудный путь к социальной психологии // Инновации в образовании. 2012. № 6. С. 123–132.
26. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. М., 1950. 626 с.
27. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. М., 2009. 224 с.
28. Terman L.T. A preliminary study of the psychology and pedagogy of leadership // Small group / eds. A.P. Hare, E.F. Borgata, R.F. Bales. New York: Knopf, 1967. P. 413-483.
29. Tomas W.J., Znaniecki F. Polish Peasant in Europe and America: in 5 vols. Vol. 1. Boston, 1918. 450 p.
30. Triplett N. The dynamogenic factors in pacemaking and competition // American Journal of Psychology. 1897. № 9. P. 76–103.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. [[On the problem of social conditionality of the psychic]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 1970, no. 6, pp. 76–85.
2. Andreeva G.M. ["Sociological" social psychology in the twentieth century]. In: *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2003, no. 2, pp. 12–30.
3. Aristotle. [About the soul]. In: Aristotle. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, 1976, pp. 371–448.
4. Aristotle. [Nicomachean ethics]. In: Aristotle. *Sochineniya. T. 4* [Works. Vol. 4]. Moscow, 1983, pp. 53–294.
5. Bukhgoľts E. et al. *Sotsialisticheskaya kriminologiya* [Socialist criminology]. Moscow, 1976. 245 p.

6. Wundt W. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of psychology of peoples]. Moscow, 2010. 86 p.
7. Wundt W. *Ocherk psikhologii* [Essay on psychology]. St. Petersburg, 1896. 225 p.
8. Vygotsky L.S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, 1986. 344 p.
9. Gerbart I.F. *Glavneishie pedagogicheskie sochineniya* [The most important pedagogical works]. Moscow, 1906. 365 p.
10. Grot N.Ya. [The Foundation of experimental psychology]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2009, vol. 2, no. 3, pp. 91–106.
11. James W. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, 1991. 368 p.
12. Dyurkgeim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow, 1995. 352 p.
13. Kashirin V.P. [Subject and problems of social psychology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2013, no. 1, pp. 51–60.
14. Kovalev A.G. [Subject and problems of social psychology]. In: *Voprosy marksistskoi sotsiologii* [Questions of Marxist sociology]. Leningrad, 1962, pp. 109–117.
15. Krysko V.G. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, 2016. 553 p.
16. Likhi T. *Istoriya sovremennoi psikhologii* [The history of modern psychology]. St. Petersburg, 2003. 440 p.
17. Luriya A.R. *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on General psychology]. St. Petersburg, 2006. 320 p.
18. Plekhanov G.V. *Osnovnye voprosy marksizma. T. 3* [The basic questions of Marxism. Vol. 3]. Moscow, 1957. 784 p.
19. Pochebut L.G. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg, 2017. 399 p.
20. Pochebut L.G., Meizhis I.A. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg, 2010. 521 p.
21. Rubinshtein S.L. [Thoughts about the psychology]. In: Rubinshtein S.L. *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of General psychology]. Moscow, 1973, pp. 91–101.
22. Yakimova E.V., ed. *Sotsial'naya psikhologiya: samorefleksiya marginal'nosti* [Social psychology: self-reflection of marginality]. Moscow, 1995. 252 p.
23. Spenser G. *Osnovaniya psikhologii. T. 1* [The Foundations of psychology. Vol. 1]. St. Petersburg, 1876. 706 p.
24. Sukhov A.N. *Osnovy sotsial'noi psikhologii* [Fundamentals of social psychology]. Moscow, 2018. 242 p.
25. Utlik E.P. [Difficult path to social psychology]. In: *Innovatsii v obrazovanii* [Innovations in education], 2012, no. 6, pp. 123–132.
26. Ushinsky K.D. *Chelovek kak predmet vospitaniya. T. 9* [Man as a subject of education. Vol. 9]. Moscow, 1950. 626 p.
27. Yung K.G. *Tevistokskie lektsii. Analiticheskaya psikhologiya: ee teoriya i praktika* [The Tavistock lectures. Analytical psychology: its theory and practice]. Moscow, 2009. 224 p.
28. Terman L.T. A preliminary study of the psychology and pedagogy of leadership. In: Hare A.P., Borgata E.F., Bales R.F., eds. *Small group*. New York, Knopf, 1967, pp. 413–483.
29. Tomas W.J., Znaniecki F. *Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1*. Boston, 1918. 450 p.
30. Triplett N. The dynamogenic factors in pacemaking and competition. In: *American Journal of Psychology*, 1897, no. 9, pp. 76–103.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Утлик Эрнст Платонович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
e-mail: e1937@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ernst P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation;
e-mail: e1937@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Утлик Э.П. О нашей социальной психологии: от психологии к социальной психологии и обратно // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 130–143.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-130-143

FOR CITATION

Utlik E. About our social psychology: from psychology to social psychology and back. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2018, no. 3, pp. 130–143.
DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-130-143